

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «КАМЧАТСКОГО КОМСОМОЛЬЦА»

РЕЦЕНЗИЯ *

РЕЦЕНЗИЯ *

РЕЦЕНЗИЯ *

РЕЦЕНЗИЯ *

ПИСАТЕЛЯ, пишущего на исторические темы, можно сравнить с астрономом. Только взгляд его обращен не к звездам, а к слабой свету минувших веков нашей матушки планеты, свету документов, преданий. Единственный же инструмент у него, писателя, — воображение да еще надежда, что любили, ненавидели, рождали себе подобных, умирали тогда, в общем-то, так же, как и теперь.

Евгений Гропянов, наш современник, земляк, написал повесть о «камчатском Ермаке» — Атласове. Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства выпустило ее вместе с его рассказами в сборнике под названием «Атаман» — по одноименному названию повести.

...Стоит оглянуться назад, скажем, на два-три века, как обнаружится обидная недостача тех документов и преданий, коими Петровская Русь вообще-то отменно пополнила архивы. Что остается тому, кто одержим желанием знать, как же все-таки тут, на Камчатке жили? А остается ему — наполнить жизнью циркуляры да челобитные, а всего важнее — междустрочие и как жилось от челобитной до челобитной сроком во многие годы. У художника задача особая: заботы дней минувших должны помимо духа времени задеть нас чем-то нужным сейчас, в дни нашей жизни.

В сборнике произведений Е. Гропянова внимание сосредоточено на образах людей, заметно выделявшихся из своей среды, немало положивших сил на пользу Российского государства. И в повести, и в рассказах они выступают как сильные люди, сильные духом, как атаманы — каждый на свой лад, даже интеллигентный для своего времени Чарльз Кларк. Внимание же к сильной личности современно во все времена, ибо сильные духом — всегда пример и загадка. Рассказчик навел оптику своего воображения на XVIII-й век и, приглядевшись, на небосклоне дальних пределов российских увидел звезды немалой величины. Восстановить их путь среди звезд и звездочек петровской эпохи, разгадать, что двигало ими, какие притяжения и отклонения претерпевали они, как достигали желанного — задача трудная, редкая, но и благороднейшая. Е. Гропянов раскопал еще один, впрочем, давно известный, но недавний — вполне клад. Пользуйтесь!

ВОТ атаман — Володимир Атласов, комендант Анадырского острога. Коменданты были и до него, были и после. Никто не давал Атласову наказа идти в Камчатку. Служба у него была известная: охранять предел российский да ценным мехом казну полнить. Нет, не сиделось ему за высоким забором. Прослышал о «незнакомой землице». Долго ли думу вынашивал, неведомо, но надумал — в поход! Что же влекло его «со товарищи»? Чины, награды? Скука смертная?

Как ему думалось и что из этого вышло — вот об этом-то и есть повесть «Атаман». Слова могли быть другие и даже поступки, но дух времени, дух землепроходцев страница за страницей увлекают нас повторить тот легендарный поход. Вместе с атаманом автор ведет нас в поход, овладевая крутым казацким слогом, но главное, он надежный проводник, благодаря культуре воображения.

Ну вот хотя бы тойон, атаман корякский, род которого преградил путь атласову отряду. Тойон у Гропянова неглуп, не злодей какой-нибудь, скорее в чем-то даже жертва родовых обычаев. То есть, автор видит его сразу в нескольких плоскостях, и это придает ему объемную, живую многомерность. Вот это и есть одно из проявлений культуры воображения, которая в целом предполагает, разумеется, отбор и известные ограничения.

ВЛАДЕЯ контрастным, лаконичным языком, Гропянов мог бы прямо пересказывать картины, какие ему по душе. Но он идет более сложным путем. Показывает, к примеру, Атласова через Худяка, Енисейского, Морозку, вообще через отношение к нему. И атаман является нам в движении, зримо. Мы видим могучий торс атамана, его глаза, вспыхивающие угольками («Волк, чисто волк», — думает Лука Морозко). Правда, паутина отношений была бы крепче, если бы и клзакки объединялись между собой подобным образом; они «работают» в основном на атамана, друг с другом связаны скорее логикой сюжета, а то и вовсе независимы.

Короткие острые сцены, быстро сменяя друг друга, придают повести свободный характер. Хо-

тя, приглядевшись, можно обнаружить «заранее обдуманное намерение». Но в том и заслуга автора: перевернув гору исторического материала, пережил его, как факты собственной биографии, а затем воссоздал в образах, которые, как все живое, конечно же, живут по своим законам, отличным от действительности разве только тем, что в них, образах, все сконцентрировано до предела.

В «Атамане» целый ряд персонажей написан несхоже, рельефно: толмач Енисейский, бегляк Худяк, десятник Лука Морозко, дьякон и Ефросинья, коряк Кецай. Однако есть в них некоторая статичность. Лишь образ Атласова дан в развитии. Остальные — вроде как заданы, чтобы проявить те или иные черты атамана.

Ну, а что же все-таки влекло его в поход?

Знакомьтесь — «АТАМАН»

МОЖНО привести исторически объективные ответы: о расширении пределов всякого знания, в том числе в географии, об эпохе освоения новых земель, и автор находит им слова и место. «Нового царя клянут, — восклицает дьякон, — лишил сна праведного, о государстве думать заставил! А непривычно думать о большом, о малом-то и то с трудом, с трудом думают». Перебирая различные мотивы, рассказчик-такти находит один, психологически всеобъемлющий — предвкушение неизвестного! Вот «сокрытый двигатель» атамана в этом походе, приведшем его к бессмертию.

Личность Атласова, судя по обрывкам свидетельств его современников, была драматической, неровной, конфликтной по своей природе.

Нам известно: Атласов сживал в тюрьме; было и такое: утаил драгоценный мех от казны; скорый на руку, сам пал от рук взбунтовавшихся казаков. То есть мы ждем от повести: повелитель и страстотерпец, оступаясь, увязая в грязи предрассудков, пороков, как он все-таки делал доброе дело. Добро! Потому, что никто не прошел бы тогда мимо корякских острожков разбоем, а случись такое, не оставил бы никаких «скасок». Атласов же достиг Камчатского носа и «скасками» не побрезговал. Каким бы ни был атаман, он представитель той яркой эпохи, когда человек жил меж двумя необычайно близкими, порой неразличимыми полюсами: царские милости и батоги, а то и живот вон. «Предвкушение неизвестного»... Прекрасно! Но это мы знаем, называем теперь. И это не значит, что атаман наш был такой, как нам бы приятно было видеть. Е. Гропянов понимает это и слегка намечает психологические ростки грозных столкновений с жизнью. Но ростки все же не могут дать полного представления о подлинном масштабе личности.

ПОЭЗИЯ жизни, а значит и искусства заключается в том, что чем пристальнее мы вглядываемся в жизнь, вглядываемся, ищем и находим в конце концов скрытые пружины и связи, тем огромнее, неизведаннее и поэтичнее открывается перед нами все, что дано нам видеть и понимать. Поэтичнее потому, что покоренное влечет к новому неизвестному пределу. Поэзия и юность — как близнецы-братья. С возрастом и человека и целого народа ощущение неизведанного, чувство поэзии не убывает, а переходит в высшую степень. Можно сравнить, скажем, танцы тундры и те же танцы в исполнении ансамбля «Мэнго». И дело не только в развитом артистизме «мэнгоцев», но в ином, несомненно более высоком понимании ими существа поэзии.

Воссоздавая былое, Гропянов применяет яркие, впечатляющие краски, его герои — люди действия — изъясняются языком упругим, зовущим к поступку. В этот момент, собственно, и рождается наша вера, вера читателей в достоверность веко-

вой давности, в достоверность образов, исполненных истинной веры в них, характерной для честной прозы.

Все это относится и к рассказам, помещенным под той же обложкой.

ЖЕНЩИНЫ, даже в мимолетных эпизодах, безусловная удача Е. Гропянова. Он рисует их свободными, глубокими штрихами, не щадит, и получается удивительное: мы не только видим — болеем за них. Казаков же вроде как бережет, любуется и потому поддурманивает их, подталкивает к поступкам, порой не обоснованным с достаточной психологичностью. Ведь чем значительнее поступок, тем глубже в почву чувств уходит его корень, а мощные корни, само собой, обуславливают развесистые ветви внешних отношений. Но автор останавливается на внешнем любовании, мы, читатели, не можем не чувствовать этого, тоже любуемся — еще бы, люди-то лихие, интересные, но и только. Конечно, это не мало. Но мало для автора, который умеет быть свободным, полноценным, причем в изображении далеких друг от друга сфер.

Смотрите, как изъясняется приказчик Камчатки Енисейский в рассказе «Степушка»; собираясь в дорогу, выговаривает писцу: «Книг поболее сделай, но поторопись... Со мной в Якуцк пойдешь. Все виденное запечатаем, чтобы детям в потмах по местам диким не бродить. Дорогу проложим надолго. Земелька камчатская богата. Сობоль государыне на плечо...» Помимо представления о былых заботах это и самохарактеристика Казак! — весь перед нами.

А вот пример другой тональности. Два казака идут через тундру к немирным корякам, коряки окружили отряд Атласова, нужно склонить их к миру. Что ждет посланцев? Читаем:

«Вокруг безмолвие. Если долго вслушиваться, может показаться, что воздух звенит, как нежная айгена. Он и в самом деле напоен пьянящими запахами зимней тундры, будто звенел от пронизывающих его солнечных лучей, и эти лучи серебрились, и это серебряное свечение ложилось на юрты, балаганы, вкрапывалось в дымок юрт, и казалось: вот-вот появится из-за дальней сопки игрок на айгене, и мир, успокоенный, уляжется у его ног и будет смотреть ему в лицо, как преданный пес».

И хотя, наверное, не в стиле казаков так точно думать, в сочетании именно с их терпкой речью подобные отступления, как и нечастые, но сильные сравнения (вроде кареты — с пауком или русской песни — с пургой) приподнимают повесть, дают образам крылья, приобщая их к искусству.

СЛОВОМ, Е. Гропянову доступно и живописное просторечье и тонкая словесная музыка.

Это подтверждает, например, рассказ «Легче утопить в море акулу». Название, прямо скажем, несколько риторическое, возможно, точнее было бы вынести из текста в название другие слова: «Командор, это остров».

...Необитаемый, неприютный, жестокий остров. Землянка. Командор. На еще живого, но недвижного командора раз за разом обваливаются комья земли, он останавливает желающих сместь землю — так теплее.

Вот истинно художественный образ, придающий трагическое звучание всему рассказу. Как ни странно, он освещает живым светом все события, происходящие в рассказе на этом печальном острове. Все держится на этом нерве. Что может быть благодарнее — оживить в нашей памяти фигура Беринга, так много сделавшего и с такой трагической судьбой. Е. Гропянов повествует об этом в тональности, характерной для Паустовского: смешанное чувство мужества и грусти. Вообще этот рассказ едва уловимо «пахнет» Паустовским. Что это такое? Это — как букет вина. Сколько можно можно говорить и думать о романтичности «незатрагиваемости» Паустовского или, скажем, Кавверина, но они завораживают, завораживают своим особым букетом настроения. И нас уже не волнует: так ли было или совсем иначе. Мы говорим: «хорошо». И благодарно улыбаемся. Быть может, это самая драгоценная награда автору.

Геннадий ГРУМАНТ.

Редактор П. КОЗЛОВ

Газета отпечатана в областной типографии издательства, полиграфии и книжной торговле Камчатского облисполкома.

ВН12552.